

24. Энгельмейер П. К. Теория творчества. СПб: Книгоиздательство «Образование», 1910. 106 с.

25. Энгельмейер П. К. Технический итог XIX века. М.: Типография К. А. Казначеева, 1898. 107 с.

СТАНИСЛАВ ЛЕМ И ИВАН ЕФРЕМОВ: НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА²

Сергеев С.А.

Казанский федеральный университет, кафедра политологии, профессор

Два выдающихся писателя-фантаста и социальных мыслителя – Иван Ефремов и Станислав Лем – никогда лично не встречались и не переписывались, хотя у них было немало общих знакомых, и они внимательно следили за публикациями друг друга. Целью статьи является выяснение возможных причин несостоявшейся встречи (недомогание И. Ефремова, слухи о «заносчивости» С. Лема и др.). Методы исследования – анализ переписки, художественных произведений и мемуаров И. Ефремова, Ст. Лема, людей из их близкого окружения. Автор приходит к выводу, что глубинной причиной отказа Ефремова от контактов с Лемом было несовпадение мировоззренческих взглядов по основным проблемам, которые и Ефремов, и Лем рассматривали в своём творчестве: сущность человека, его предрасположенность к добру или ко злу и место человека в космосе. И. Ефремов был антропологическим оптимистом, убеждённым, что человек в своей основе добр, и проявления зла связаны с неправильным воспитанием и плохим социальным устройством. С. Лем, напротив, был антропологическим пессимистом, полагавшим, что в человеческой природе заложена склонность ко злу (антропологический манихеизм), которая отчасти сдерживается наследственностью и воспитанием. В отличие от Ефремова, Лем пессимистически смотрел на возможность установления контакта со внеземным разумом, и, как рационалист и неопозитивист, скептически относился к оккультизму и паранормальным феноменам.

Ключевые слова: Иван Ефремов; Станислав Лем; антропоцентризм; антропологический оптимизм; антропологический пессимизм

Введение. Визиты С. Лема в СССР

Станислав Лем трижды, начиная с 1962 года, посещал СССР, общаясь во время визитов с учеными, космонавтами, писателями-фантастами [24, с. 164, 171, 203]. К тому времени в СССР уже были опубликованы романы «Астронавты» и «Магелланово облако» [13], «Звездные дневники Ийона Тихого», некоторые рассказы, в том числе о пилоте Пирксе, а также журнальный вариант романа «Солярис», публикация которого в журнале «Звезда» завершилась как раз перед визитом С. Лема. Таким образом, советские читатели, не знавшие польского языка, имели представление о

² Статья впервые опубликована в журнале Семиотические исследования: Сергеев С.А. Станислав Лем и Иван Ефремов: несостоявшаяся встреча // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 108–114. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-108-114>

творчестве С. Лема, хотя и не были знакомы с большей частью произведений лемовского канона, который, по мнению лемологов, открывается романом «Эдем», опубликованным в 1958 г. [23, с. 216]. Ни «Эдем», ни «Возвращение со звезд», ни тем более «Рукопись, найденная в ванне» на русский язык к тому моменту переведены ещё не были. Это, однако, не помешало первому приезду С. Лема в СССР превратиться в триумф.

Подробный рассказ об этом визите, составленный самим С. Лемом, напоминает «Фиесту» популярного тогда в СССР Э. Хемингуэя: «Что же происходило конкретно со мной, вокруг меня, нельзя даже описать... Мой номер в отеле был почти постоянно забит разными кибернетиками, астрофизиками, математиками. Не говоря уже о молодых писателях. У меня были массовые встречи, две со студентами Московского университета, где я чувствовал себя как Ленин в 18 году, когда вещал для забитого зала... Меня любили там, мне говорили разные вещи, одаривали, почитали так, что, вероятно, уровень признательности удовлетворил бы человека с претензией на гениальность, которым я... до сих пор не стал... Я вел долгие ночные разговоры, читал в рукописях стихи и рассказы, и роман, говорил по 14 часов в сутки и вернулся такой обросший, что первые пару дней делал ошибки в родном языке» [23, с. 265–266].

Позже, в отрывке «Так было», написанном в 1993 г. и включённом в «Сильвические размышления», С. Лем описал свой первый визит в СССР с изрядной долей сарказма, усилив ощущение хаоса, спонтанности и суматохи. Упомянув В. Высоцкого и А. Галича, которые пели для него смелые песни в Доме физиков, и только что вышедший журнал с повестью А. Солженицына, он вспомнил официальный ужин на Арбате, в зале огромном, «как ангар для дирижаблей», и неофициальный – в Ленинграде, у писателя-фантаста И. Варшавского. Гости уселись в тесной кухне, «из которой вынесли все, что смогли», причём Лема, как почетного гостя, усадили спиной к раковине. «Я как умел делал вид, что прием, на котором почетный гость сидит спиной к раковине, – вещь совершенно нормальная и вполне соответствует европейским обычаям» [19, с. 376].

Борис Стругацкий дополнил этот рассказ, перечислив участников встречи в Ленинграде, – это И. Варшавский, Д. Брускин, Е. Брандис и он сам; кроме того, «аналогичная встреча примерно в те же времена имела место и в Москве», в которой участвовали А. Громова, Р. Нудельман, А. Стругацкий, Е. Парнов [30]. «Квартира Ариадны Громовой, – вспоминал С. Лем, – во время каждого моего пребывания в Москве превращалась в штаб, где было полно народу, где составлялись планы на ближайшие дни, просматривались последние издания, переводы, статьи». Неизменными спутниками С. Лема в столице СССР были А. Громова, Р. Нудельман и А. Мирер [11, с. 251–252]. «Я вернулся две недели назад такой усталый, что до сих пор еще сплю по двенадцать часов в сутки», – подводил итог второму визиту в СССР С. Лем [24, с. 175].

Лем о Ефремове и Ефремов о Леме в переписке

Воспоминания участников этих встреч могли в деталях различаться, но одно можно утверждать совершенно точно – Ивана Ефремова там не было. С Иваном Ефремовым, ведущим советским фантастом того времени, С. Лем не встретился ни в 1962 году, ни позже. Казалось бы, факт этой не-встречи – малозначительная деталь. Тем не менее и С. Лем, и И. Ефремов отметили это обстоятельство в переписке со своими конфидентами: С. Лем – с Д. Брускиным, переводчиком, а И. Ефремов – с журналистом и литературным критиком В. Дмитриевским, автором первой биографии И. Ефремова.

Лем недоумевает, почему встреча с И. Ефремовым не состоялась (и это недоумение усилено разговорами и слухами вокруг этой несостоявшейся встречи), но предполагает, что это вызвано болезнью или депрессией: «С Ефремовым я так и не встретился. Мне многие говорили, что он хочет меня увидеть, что собирается сюда или туда – где буду я, но в результате ничего из этого не вышло. Возможно, он болен, но что ещё хуже – ко всему безразличен, а последняя его книга написана, как говорят, в довольно минорном тоне. Но, может быть, всё это только сплетни» [21, с. 13–14].

Для Ефремова же не-встреча со С. Лемом была его осознанным решением: «На свидание с Лемом решил не ходить – мне кажется, что Лем относится к нам с высокомерием, потому что ежели бы он по-серьёзному хотел со мной встретиться, как писатель с писателем, то он должен был бы написать мне о своем желании, а не выражать его вообще» [2, с. 471].

И. Ефремова при этом нельзя назвать недоступным – он охотно переписывался с людьми из самых разных слоев общества, от академиков до заключённых, приглашал к себе домой, мог помочь деньгами. Общаться с иностранцами он тоже не боялся: с 1936 г. (!) он переписывался с палеонтологом из Германии Ф. Хюне [2, с. 21–23], а в 1960-е гг. вел активную переписку и с коллегами (Э. Олсон), и с писателями-фантастами из Великобритании и США, в частности, с Полом Андерсоном [2, с. 661–662], а также А. Кларком и П. Шайлером Миллером [2, с. 1501–1508].

Так что дело, вероятно, не в усталости И. Ефремова от домашних хлопот, о чём он также писал в письме к В. Дмитриевскому [2, с. 470], и не только в «высокомерии» Лема, и даже не в том, что И. Ефремову, вероятно, не хотелось принимать участие в развернувшемся вокруг приезда С. Лема ажиотаже. Они могли списаться и встретиться во время последующих визитов С. Лема в СССР. Но ни Лем Ефремову, ни Ефремов Лему, насколько можно судить по сохранившейся переписке, не написали ни одного письма. При этом они следили за публикациями друг друга, может быть, не очень внимательно, но следили.

С. Лем о произведениях И. Ефремова и И. Ефремов о произведениях С. Лема

В «Космосе и палеонтологии» И. Ефремов скептически отозвался об идее «мыслящего океана» [3, с.121], а в частных письмах А. Бритикову и

В. Дмитриевскому резко осудил повесть «Непобедимый», обвинив Лема не только в мрачности и недостаточном гуманизме, но и в том, что он «слизал» или «сюжетно списал» «Непобедимого» с повести Дж. Браннера «Ты хороший и верный» [2, с. 694, 698]. Сравнивая произведения Дж. Браннера и С. Лема, подобные подозрения трудно, если вообще возможно, счесть справедливыми. Эти слабо обоснованные обвинения ещё раз подтверждают, что причины антипатии И. Ефремова к С. Лему кроются далеко не только в реальном или мнимом «высокомерии» последнего.

С. Лем также следил за публикациями И. Ефремова. Во время первого визита в СССР С. Лем отзывался о нём и его творчестве, по свидетельству в дневнике Аркадия Стругацкого, вполне комплиментарно [28, с. 612]. Первой книгой Ефремова, которая произвела на С. Лема, по его выражению, «сильное впечатление», была повесть «Звёздные корабли». Более сдержанно отзывался он о «Туманности Андромеды» [16]. Впрочем, позже С. Лем говорил (со ссылкой на своего переводчика К. Душенко), что «Туманность Андромеды» была написана под влиянием «Магелланова облака» [15]. Это нужно признать весьма маловероятным, поскольку польского языка И. Ефремов не знал, а русский перевод «Магелланова облака» вышел в 1960 г. [13]. В. Волобуев предположил, что Ефремов мог ознакомиться с пересказом романа, который еще в 1956 г. представили в редакцию фантастики издательства «Молодая гвардия» переводчицы Г. Гудимова и В. Перельман [1, с.260]. Но, как достаточно точно устанавливается из переписки И. Ефремова, работа над «звёздной повестью» велась им достаточно активно уже в 1955 г. (если не раньше), а название «Туманность Андромеды» появилось не позже января 1956 г. [2, с.265, 273]. Поэтому даже если какое-то влияние «Магелланова облака» на «Туманность Андромеды» и имело место, оно не могло быть существенным и касалось лишь незначительных деталей.

Со временем творчество И. Ефремова стало явно вызывать у С. Лема всё большее неприятие, и антипатия писателей друг к другу стала к концу 1960-х гг., похоже, обоюдной. В январе 1964 г. Лем в письме А. Громовой характеризует «Сердце Змеи» как «фатальный кикс». Начало «Часа Быка» показалось ему «напыщенно-мелодраматичным», но при этом оскорбления в адрес И. Ефремова со стороны западногерманских левых радикалов (которые, видимо, восприняли «Час Быка» как антимаоистский памфлет) вызвали у Лема возмущение. Впрочем, и «Час Быка», и предыдущие произведения Ефремова раздражали Лема «невероятным антропоцентризмом» [20, с. 76]: «Случай с Ефремовым потому такой пагубный, что он, со своим образованием, как профессиональный учёный, попросту не имеет права на антропоцентрическое мышление, как же, биолог-палеонтолог!» [20, с. 83].

Антропоцентризм, если под ним понимать убеждение, что все разумные существа должны, в силу законов эволюции, быть человекоподобны, был действительно свойственен И. Ефремову. Но и Лем

порой представлял взгляды Ефремова чересчур упрощённо и искажённо: «Я никогда не мог понять, почему выдающийся биолог Ефремов мог серьезно считать, что существа из иных миров могут быть не только похожи на людей как две капли воды, но к тому же и белой расы» [33]. Но И. Ефремов подобного никогда не утверждал. В «Туманности Андромеды» жители планеты в системе звезды Лебедя 61 – серокожие люди «с круглыми, как у совы глазами, обведенными кольцами серебристого пуха» и безгубым ртом, прикрытым «похожим на нос клапаном мягкой кожи» [6, с. 56]. Жители планеты у Эпсилон Тукана обладают тёмно-красной кожей, похожей на цвет кожи индейцев Центральной Америки, но более глубокого тона [6, с. 60]. В «Сердце змеи» обитатели фторной планеты телосложением и ростом сходны с землянами, но у них «чугунно-серый цвет кожи с серебристым отливом и скрытым кроваво-красным отблеском», густые иссиня-черные волосы и «невероятно большие и удлиненные, с резко косым разрезом» глаза [5, с. 507]. А в «Часе Быка» жители Торманса – переселенцы с Земли; впрочем, у многих из них смуглый цвет кожи и чёрные волосы [8, с. 72].

Хотя и С. Лем, и И. Ефремов были фигурами, на которых не так-то просто было влиять, по переписке чувствуется, что свой вклад в раздор вносили и «доброжелатели» с обеих сторон, настраивавшие С. Лема против И. Ефремова, а И. Ефремова – против С. Лема (и братьев Стругацких заодно).

Усиливало отчуждение между И. Ефремовым и фантастами, входившими в круг Ариадны Громовой, и то обстоятельство, что И. Ефремов публиковался в журналах «Молодая гвардия» и «Техника – молодёжи»; редакторы этих журналов были близки к «русской партии» – неоформленному движению русских националистов [25, с. 71–72]. Контакты И. Ефремова с «русской партией», а также отстаивавшийся им «сверхчеловеческий» идеал, дали, по-видимому, повод эмигрировавшим из СССР литературным критикам и публицистам для обвинений И. Ефремова в ницшеанстве, антисемитизме и близости к фашизму [9, с. 201; 27, с. 155]. Но даже критически настроенные по отношению к И. Ефремову авторы признают, что к идее превосходства какой бы то ни было нации писатель относился резко отрицательно [31, с. 274].

И. Ефремов и С. Лем: взгляды на человека, зло и космос

Но всё-таки в основе углублявшейся молчаливой пропасти взаимонепонимания двух великих писателей-фантастов – не мелкие склоки и частные расхождения, а несовпадение некоторых основных ценностей и вытекающее из этого различие мировоззрений писателей: в начале 1960-х гг. И. Ефремов, возможно, лишь предполагал это, а затем укрепился в своём убеждении.

Если попытаться кратко определить базовое отношение И. Ефремова к человеку и к человечеству, то это оптимизм в отношении человеческой сущности: «человек по своей природе не плох..., а хорош». [7, с. 335]. Этот оптимизм соединялся с почти руссоистским восхищением индивидом,

который смог избежать или достаточно дистанцироваться от воздействия цивилизации. Это свободный и сильный человек, который любит вольную жизнь и путешествия: «Всякий человек, живущий на просторе, в среде количественно небольшой, привыкший полагаться на себя и своих товарищей, будь то геолог, охотник, лесовод, даже просто колхозник (но не замурзанного и большого колхоза в пригороде) выгодно отличается от измельчившегося, изверившегося, издерганного, забывшего о просторе и величии мира в своей тесной клетке горожанина... Чтобы оставаться настоящим человеком, надо изловчиться вести двойную жизнь, подобно хотя бы геологам...» [2, с. 742]. При этом представление о «наследственной испорченности» какой-то части человечества И. Ефремов категорически отвергал [8, с. 250–251].

Этот антропологический оптимизм не был, однако, абсолютным: хорошего в человеке, конечно, много, считал Ефремов, но есть люди скверные, испорченные социальным окружением и жизненными обстоятельствами, причём вероятнее встретить их среди интеллигенции, чем среди городских хулиганов – таков вывод, который предлагается сделать читателю романа «Час Быка» из сравнения тормансианской интеллигенции, трусов и неврастеников, продающих себя за «ничтожные преимущества в пище, жилье, одежде» [8, с. 310] и уличной компании Гзер Бу-Яма, перед которым «трепещут» все жители города Средоточия Мудрости [8, с. 399]. Есть и просто социопаты, которых следует «изолировать и трансформировать» [8, с. 112]. Кроме того, даже в гармонично устроенном обществе неизбежны страдания и смерть – люди ХLI века могут их уменьшить, но не могут их избежать. Уменьшение страданий связано с людьми особого типа – бодхисаттвами, живыми буддами, видящими свою миссию в помощи окружающим, «делая добро, создавая прекрасное, распространяя знание» [8, с. 110].

Таким образом, взгляды И. Ефремова представляли собой уникальный синтез по меньшей мере двух основных традиций: во-первых, гуманистическо-рационалистическо-просветительской, исходившей из того, что «хорошего в человеке много», и что развитие природы и общества идёт от низшего к высшему, от плохого к хорошему, и что человечество должно прийти (если не самоуничтожится) к созданию общества сильных, хороших и счастливых людей. И русское народничество, и анархизм, и марксизм, и теория эволюции так или иначе находятся в рамках этой традиции.

Вторая традиция, оказавшая влияние на взгляды И. Ефремова, связана с российским Серебряным веком, включая в себя и религиозно-мистический, иррациональный компонент, интуитивизм, выразившийся в недоверии к позитивистской науке, и огромный интерес к Востоку, понимаемому как страна «тайных знаний» [26], а также экстатическую сексуальность, возводимую и к античным оргиастическим культам, и к тантризму (конечно, ни о какой реальной преемственности с античностью или Востоком речи не было: античность и Восток были только интеллектуальным конструктом).

С. Лем тоже относил себя к традиции Просвещения, но был антропологическим пессимистом. «Я пишу в традициях Просвещения», – писал он М. Канделю в 1972 г., – и я рационалист, только немного отчаявшийся» [14, с. 546]. Он скептически смотрел как на интеллектуальные, так и на психологические возможности человека: суперинтеллект ГОЛЕМ XIV снисходит до беседы лишь с немногими избранными людьми, а общение с порождёнными Солярисом двойниками быстро вывело коллег Криса Кельвина на космической станции из равновесия. Слабаки, тряпки, сказал бы про них, возможно, И. Ефремов. Подобная реконструкция его взглядов может показаться выходящей за рамки академического исследования. Но вот что говорил И. Ефремов (в пересказе А. Стругацкого) о функциях литературы: «... Литература должна давать читателю утешение и поучение. Нужно вернуться к богатырскому эпосу» [29, с. 419]. Сарториус и Снаут (да и Кельвин) совсем не богатыри и вряд ли могут дать читателю «утешение и поучение», а потому у И. Ефремова подобные персонажи (как Пур Хисс в «Туманности Андромеды») служат лишь для усиления контраста с образами героев-полубогов. У Лема в противостоянии с техникой, природой или искусственным интеллектом имеет шанс выиграть обычный человек с устойчивой психикой, руководствующийся здравым смыслом – как пилот Пиркс. Но и простой человек (возможно, Пиркс, а, возможно, и нет) терпит в одноименной повести фиаско, пытаясь установить контакт с теми, кто не хочет идти на контакт.

Скепсис по отношению к возможностям человека дополняется у Лема антропологическим манихеизмом [32, с. 153; 22, с. 131]: человек изначально склонен не только к добру, но и ко злу, причём, возможно, более склонен именно ко злу. «Бескорыстное зло существует, и я не согласен с Августином, что это отсутствие добра. Там есть нечто большее – намерение, активное намерение» [12, с. 455]. При этом добрые люди в силу наследственности и воспитания способны обуздать внутреннее зло, порочные же не хотят или не могут сделать этого [22, с. 41].

Подобное же расхождение мировоззрений привело в конце 1960-х гг. к временному разрыву отношений Ефремова и братьев Стругацких, которые были до этого достаточно близки друг другу. В 1967 г. Ефремов высказал А. Стругацкому своё принципиальное несогласие с духом последних произведений братьев («Улитка на склоне», «Второе нашествие марсиан»), которые вызывают у него «чисто физическое отвращение». Впрочем, такую же неприязнь у Ефремова вызывали произведения Достоевского, Гоголя, Фолкнера и Хемингуэя [29, с.419]. После заметного охлаждения отношения И. Ефремова и братьев Стругацких в начале 1970-х гг. восстановились, хотя прежней теплоты в них уже не было. Между тем среди советских и российских фантастов Лем наиболее высоко ценил именно Стругацких (хотя и не мог удержаться от того, чтобы не предложить собственную интерпретацию «Пикника на обочине») [14, с. 345–369].

Антропологический пессимизм тесно связан с отказом Лема от антропоцентризма и с пессимизмом в отношении возможности контакта с внеземным разумом. В романах Лема, начиная с «Эдема» и заканчивая «Фиаско», подобный контакт заканчивается неудачей. В «Новой Космогонии» внеземные цивилизации преобразуют Вселенную – но не устанавливают контакты друг с другом, более того, трансформация Вселенной делает такие контакты невозможными [10, с. 209].

Будучи сторонником критического рационализма и неопозитивизма [32, с. 159-164], Лем резко негативно относился к иррационализму [22, с. 40] и связанным с ним увлечениям и сенсациям, возникавшим на грани эзотерики и науки, заявляя, что «не верит ни в какие Бермудские треугольники и «летающие тарелки», в чтение мыслей, психокинез», считая всё это «полнейшим бредом» [12, с. 285]. И. Ефремов, напротив, бредом это не считал и внёс немалый вклад в распространение эзотерических идей в СССР [26, с. 189–190]. Впрочем, будучи убеждён в существовании одних паранормальных явлений, таких, как телепатия, ясновидение и наследственная память (при ближайшем рассмотрении оказывавшейся современной версией представлений о реинкарнации), он скептически относился к другим, полагая, что НЛО – «вид массового самовнушения и истерии» [2, с. 416].

П. Околовский определял взгляды С. Лема как неолукрецианизм [22, с. 48–53, 108]; но неолукрецианизм в данном случае означает не разновидность гедонизма в духе школы Эпикура, к которой принадлежал исторический Лукреций. Неолукрецианизм Лема в понимании Околовского – это стохастический, индетерминистский и антителиологический взгляд на мир, который является комбинацией атомов, случайно возникшей, порождающей системы с эмерджентными характеристиками [22, с. 109] и случайно распадающейся. Подобная «философия случая» ярко проявилась в романах «Расследование» и «Насморк», где случайное сцепление предметов приводит к необъяснимым и невозможным, на первый взгляд, эффектам. Взгляд И. Ефремова на мир, напротив, в значительной мере характеризуется телеологизмом и детерминизмом; для объяснения причинно-следственной связи явлений он прибегает к понятию кармы. «Если брать атеиста в его прежнем, примитивном понимании, что всё есть бесорядочное корпускулярное движение со случайными последствиями, тогда ко всем чертям такой атеизм, я не атеист, ибо с таким атеизмом жить иначе, как по-скотски, нельзя... Если же признавать некую причинную связь, назовите ее кармой, мировой механикой, эволюцией, развитием процесса, с определенными законами и порядком, то такой атеизм меня устраивает...» [2, с. 1136]. Поэтому развитие природы и общества для И. Ефремова – направленный процесс, хотя вектор прогресса складывается из множества случайных событий, подобных броскам кости. «Пресловутый естественный отбор природы предстал как... метод добиваться улучшения вслепую, как в игре, бросая кости несчетное число раз» [8, с. 105]. Парадоксально, что,

начав с диаметрально противоположных предпосылок, Лем и Ефремов смягчают их: первый признает фатум как законы природы [22, с. 170], второй же рассматривает закономерность как интегральную сумму случайностей.

Справедливости ради следует отметить и некоторые совпадения во взглядах И. Ефремова и С. Лема: оба они были встревожены перспективой демографической катастрофы в XXI веке [25, с. 41; 32, с. 109], выступали за эвтаназию при условии строгого медицинского контроля [19, с. 401; 6, с. 251], за ограничение рождаемости [8, с. 209; 12, с. 631-638]. Оба они отрицательно относились к фрейдизму (при этом И. Ефремов, критикуя фрейдизм, с симпатией высказывался о концепции «коллективного бессознательного» К.-Г. Юнга, сближая её с представлениями о наследственной памяти) [18, с. 370, 575; 8, с. 251; 4, с. 512-513]. Даже по вопросу зла в человеке позиции С. Лема и И. Ефремова не столь несовместимы, как это может показаться – по сути, весь роман «Час Быка» посвящён проблеме зла, и не случайно в нём упоминается и манихейство, и предлагается метафора «стрелы Аримана» – целенаправленности зла, в первую очередь поражающего самое лучшее, красивое и доброе [8, с. 208]. В свою очередь, отношение Лема к паранормальным явлениям характеризуется скорее скептицизмом, нежели полным отрицанием [14, с. 458–461].

Выводы

Иван Ефремов и Станислав Лем никогда не встречались и не переписывались друг с другом, хотя переписка и интервью свидетельствуют о том, что они интересовались работами друг друга, и общих знакомых у них было немало. Случайные обстоятельства и нежелание участвовать в ажиотаже вокруг приезда Лема могут лишь частично объяснить отказ Ефремова от встреч. По-видимому, глубинной причиной несостоявшейся встречи было несовпадение мировоззренческих взглядов по основным проблемам, которые и Ефремов, и Лем рассматривали в своём творчестве: сущность человека, его предрасположенность к добру или ко злу и место человека в космосе. Если И. Ефремов был антропологическим оптимистом, полагавшим, что человек в своей основе добр, то С. Лем, напротив, был антропологическим пессимистом, полагавшим, что склонность ко злу заложена в человеческой природе, и она лишь отчасти может сдерживаться наследственностью и воспитанием. Диаметрально отличаются взгляды И. Ефремова и С. Лема на перспективы установления контакта со внесеземным разумом. Но мировоззренческий разрыв между И. Ефремовым и С. Лемом не был пропастью. При наличии доброй воли и несколько иного стечения обстоятельств они могли встретиться и вести диалог. Но нужно ли им было это? Каждый остался бы при своем мнении – хотя некоторые недоразумения могли рассеяться. Но и Лему, и Ефремову были нужны внимающие слушатели (и читатели), а не возражающие собеседники.

Список литературы

1. Волобуев В. Станислав Лем – свидетель катастрофы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 728 с.
2. Еремина О. (сост.). Переписка Ивана Антоновича Ефремова. М.: Вече, 2016. 1536 с.
3. Ефремов И. А. Космос и палеонтология // Сборник научной фантастики. Вып. 12. М.: Знание, 1972. С. 111–125.
4. Ефремов И. А. Лезвие бритвы // Ефремов И. А. Собр. соч. в 5 т. Т.4. М.: Молодая гвардия, 1988. 670 с.
5. Ефремов И. А. Сердце змеи // Ефремов И. А. Собр. соч.: в 3 т. Т.2. М.: Молодая гвардия, 1975. С. 460–521.
6. Ефремов И. А. Туманность Андромеды. М.: Молодая гвардия, 1959. 368 с.
7. Ефремов И. А. Хорошего в человеке много // Фантастика-77. М.: Молодая гвардия, 1977. С. 334–337.
8. Ефремов И. А. Час Быка. М.: Молодая гвардия, 1970. 448 с.
9. Каганская М. Миф XXI века, или Россия во мгле // Каганская М. Собр. соч.: в 2 т. Т.1. Шутовской хоровод. Избранное 1977–2011. Б. м.: Salamandra P. V. V., 2011. С. 200–231.
10. Лем С. Библиотека XXI века. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 602 с.
11. Лем С. Воспоминания // Борисов В. (сост.). Книга друзей. М.: Правда, 1975. С. 249–255.
12. Лем С. Книга жалоб и предложений // Так говорит... ЛЕМ. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 267–306.
13. Лем С. Магелланово облако. М.: Детгиз, 1960. 384 с.
14. Лем С. Мой взгляд на литературу. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 857 с.
15. Лем С. «... Но кое-что все-таки сбывается» // Московская правда. 1996. № 168. 14 сентября. С. 4.
16. Лем С. Роботы будут петь // Комсомольская правда. 1968. 17 февраля. С. 4.
17. Лем С. Солярис // Лем С. Собр. соч.: в 10 т. Т.2. М.: Текст, 1992. С. 5–182.
18. Лем С. Фантастика и футурология. В 2 кн. Кн. 2. М.: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2004. 667 с.
19. Лем С. Черное и белое. М.: АСТ, 2015. 640 с.
20. Лем С., Нудельман Р. Лабиринты и маски: письма и статьи. Иерусалим: Млечный путь, 2021. 356 с.
21. Мусалимов В. М. Станислав Лем в письмах переводчику. СПб.: Art-Xpress, 2015. 54 с.
22. Околовский П. Станислав Лем и разум. Философские этюды. Минск: Галіяфы, 2022. 224 с.
23. Орлинский В. Лем. Жизнь на другой Земле. М.: Эксмо, 2019. 480 с.
24. Прашкевич Г., Борисов В. Станислав Лем. М.: Молодая гвардия, 2015. 359 с.
25. Сергеев С. А. Иван Ефремов в контексте духовных конфликтов XX века. Казань: Изд-во КНИТУ, 2019. 128 с.
26. Сергеев С. А., Кузьмина С. В. «Мы – земля»: проект тотальной конвергенции человечества и «настоящая наука» Ивана Ефремова // Ab Imperio. 2020. № 2. С. 171–202. DOI: 10.1353/imp.2020.0036

27. Спор об Иване Ефремове. Круглый стол редакции // Время и мы. 1978. № 33. С. 150–166.
28. Стругацкий А. Дневник, 1961–1965 // Стругацкий А., Стругацкий Б. Полное собрание сочинений: В 33 т. Т.6: 1962. СПб.: Сидорович, 2018. С. 601–613.
29. Стругацкий А., Стругацкий Б. Переписка, 1967 // Стругацкий А., Стругацкий Б. Полное собрание сочинений: В 33 т. Т.12: 1967. Часть II. СПб.: Сидорович, 2018. С. 395–442.
30. Стругацкий Б. OFF-LINE интервью с Борисом Стругацким. Октябрь 2004. [Ответ на вопрос В. Язневича 19.10.2004] // Русская фантастика. URL: <https://www.rusf.ru/abs/int0073.htm> (Дата обращения 31.07.2024).
31. Шнирельман В. А. Арийский миф в современном мире: в 2 т. Т.1. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 536 с.
32. Язневич В. И. Станислав Лем. Минск: Книжный дом, 2014. 448 с.
33. Kluzowie Z., Kluzowie J. Nie wierzę w UFO! // Itd. 1978. № 3354. 13 sierpień. S. 20-21.

ОТ ФЭНТЕЗИ К ФАНТАСТИКЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТРАЖЕНИЯ НАУКИ В ЛИТЕРАТУРЕ НА ПРИМЕРЕ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ И ЭЛИЕЗЕРА ЮДКОВСКОГО³

Феофанов С.В.

ООО «БФТ-ЭКСПЕРТ», г. Москва, ведущий программист, соискатель

В работе поднимается проблематика популярности науки в современной фантастической литературе. Дается определение фантастики и фэнтези с позиции социальной философии. Вскрываются социальные аспекты, влияющие на формирование авторских концепций, на примере Стругацких и Юдковского. Анализируются способы изложения литературной истории как усиливающий фактор отражения науки.

Ключевые слова: фантастика и фэнтези, социокультурное пространство, репликация научных знаний, авторские концепции, способы изложения истории.

Введение

Касаясь темы фантастической литературы, нельзя не отметить, что сегодня не существует однозначного определения понятия «фантастика». Эта неопределённость проявляет себя не только на обыденном уровне мышления, но и в научно-исследовательских работах. В повседневности под этим словом зачастую понимается вся литература, содержащая элементы, невозможные в современной нам действительности. Если же погрузиться в

³ Статья впервые опубликована в журнале Семиотические исследования: Феофанов С.В. От фэнтези к фантастике: социальные аспекты отражения науки в литературе на примере братьев Стругацких и Элиезера Юдковского // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 35–41. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-35-41>.